

Научная статья
УДК 32

EDN:FAPZNY

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

«МЯГКАЯ СИЛА» В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Назик Саядовна КАГРАМАНЯН

Государственный университет управления (ГУУ), Москва, Россия
kagramanyan-ns@yandex.ru, SPIN-код: 8971-4900,
<https://orcid.org/0009-0009-7446-6501>

Аннотация. Целью статьи является теоретико-методологический анализ концепции «мягкой силы» как особой формы власти и инструмента государственного управления в условиях трансформации современной политической среды. Утверждается, что «мягкая сила» не является исключительно продуктом западного политико-теоретического дискурса, а имеет глубокую историко-философскую предысторию, включающую восточные стратегические традиции, а также разработки социальной и политической теории XX в., представленные в трудах М. Фуко, А. Грамши, П. Бурдьё.

Методологическая основа исследования включает историко-политический и сравнительно-теоретический анализ, концептуальное сопоставление различных трактовок власти, а также нормативно-документальный анализ стратегических актов Российской Федерации 2013–2023 гг. Системный подход позволяет рассматривать «мягкую силу» как многоуровневый управленческий ресурс, действующий через дискурсивные, культурные и символические механизмы формирования согласия.

Особое внимание уделено эволюции понятийного и нормативного оформления «мягкой силы» в российской политико-управленческой практике. Обосновывается, что переход в официальном дискурсе 2022–2023 гг. от термина «мягкая сила» к категориям «гуманитарная политика» и «гуманитарное сотрудничество» не означает отказа от соответствующих механизмов влияния, а отражает их концептуальное переосмысление и институциональную адаптацию в суверенной ценностно-идеологической рамке. Показано, что гуманитарная политика воспроизводит ключевые содержательные элементы «мягкой силы» – ценностное и культурное воздействие, образовательное сотрудничество, формирование позитивного образа государства, интегрируя их в систему публичного управления.

© Каграманян Н.С., 2026

В итоге сделан вывод о целесообразности анализа «мягкой силы» не только как внешнеполитического инструмента, но и как формы власти и стратегического управленческого ресурса, обеспечивающего устойчивость, легитимность и конкурентоспособность государства в условиях глобальной ценностной конкуренции. Формируются теоретико-методологические основания для дальнейших исследований гуманитарной политики как суверенной формы реализации «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», гуманитарная политика, государственное управление, власть, дискурс, символическое доминирование, публичная дипломатия.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Каграманян Н.С. «Мягкая сила» в системе современных политико-управленческих воздействий: теоретико-методологический анализ // Вестник Поволжского института управления. 2026. Т. 26, № 3. С. 31–46. EDN:FAPZNY

Original article

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

SOFT POWER IN THE SYSTEM OF MODERN POLITICAL AND ADMINISTRATIVE INFLUENCES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Nazik S. KAGRAMANYAN

State University of Management (SUM), Moscow, Russia
kagramanyan-ns@yandex.ru, SPIN-код: 8971-4900,
<https://orcid.org/0009-0009-7446-6501>

Abstract. The purpose of the article is to provide a theoretical and methodological analysis of the concept of soft power as a specific form of power and an instrument of public administration in the context of the transformation of the contemporary political environment. It is argued that soft power is not exclusively a product of Western political-theoretical discourse but has deep historical and philosophical roots, including Eastern strategic traditions as well as developments in twentieth-century social and political theory, particularly in the works of M. Foucault, A. Gramsci, and P. Bourdieu.

The methodological framework of the research includes historical-political and comparative-theoretical analysis, conceptual comparison of different interpretations of power, as well as normative-documentary analysis of strategic acts of the Russian Federation adopted between 2013 and 2023. A systemic approach makes it possible to examine soft power as a multi-level managerial resource operating through discursive, cultural, and symbolic mechanisms of consensus formation.

Special attention is paid to the evolution of the conceptual and normative articulation of soft power in Russian political and administrative practice. It is substantiated that the shift in official discourse in 2022–2023 from the term soft power to the categories of “humanitarian policy” and “humanitarian cooperation” does not indicate a rejection of the corresponding mechanisms of influence, but rather reflects their conceptual reinterpretation and institutional adaptation within a sovereign value-ideological framework. It is shown that humanitarian policy reproduces the

key substantive elements of soft power – value-based and cultural influence, educational cooperation, and the formation of a positive image of the state integrating them into the system of public governance.

The study concludes that it is useful to analyze soft power not only as a foreign policy instrument, but also as a form of power and a strategic managerial resource that ensures state stability, legitimacy, and competitiveness in conditions of global value competition. Theoretical and methodological foundations are developed for further research into humanitarian policy as a sovereign form of soft power implementation.

Keywords: soft power, humanitarian policy, public administration, power, discourse, symbolic domination, public diplomacy.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation. Kagramanyan N.S. Soft Power in the System of Modern Political and Administrative Influences: Theoretical and Methodological Analysis // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2026. Vol. 26, № 3. P. 32–46. EDN:FAPZNY

Введение. Актуальность обращения к концепции «мягкой силы» в контексте анализа современного государственного управления обусловлена как ее устойчивым присутствием в политической теории и исследованиях международных отношений, так и фактом институционального и нормативного закрепления соответствующих подходов в стратегических документах Российской Федерации. В условиях усложнения международной и внутривнутриполитической среды, роста ценностной и символической конкуренции способность государства к воспроизводству легитимности и управляемости все в большей степени определяется не только ресурсами прямого принуждения, но и механизмами культурного, дискурсивного и ценностного воздействия.

С конца 2000-х годов в российской государственной политике прослеживается устойчивая тенденция к осмыслению нематериальных и гуманитарных ресурсов как значимого элемента внешнеполитического и управленческого инструментария. Институциональное развитие данного подхода получило выражение в системе президентских указов, в том числе в Указе от 6 сентября 2008 г. № 1315, заложившем основы функционирования специализированных институтов международного гуманитарного сотрудничества, прежде всего Россотрудничества¹. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. прямо зафиксирована потребность в использовании потенциала

¹ О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества: Указ Президента РФ от 6 сент. 2008 г. № 1315 (в ред. от 26 мая 2022 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020>

«мягкой силы» как инструмента международного взаимодействия, основанного на продвижении культурных, образовательных и ценностных инициатив².

Новый этап в концептуализации соответствующих механизмов связан с 2022—2023 гг., когда в официальном политическом дискурсе формируется обновленная нормативная рамка, в которой инструменты, функционально соответствующие логике «мягкой силы», получают иное понятийное оформление. Ключевым документом в этом контексте стала Концепция гуманитарной политики Российской Федерации от 12 сентября 2022 г., закрепившая в публичном дискурсе понятие «гуманитарная политика»³. С учетом того, что «мягкая сила» в своем теоретическом ядре связана прежде всего с трансляцией идей, ценностей и смыслов, данный документ может рассматриваться как программное изложение национально интерпретированной модели «мягкой силы», адресованной внешней аудитории и отражающей духовно-нравственные ориентиры и смысловые приоритеты современного Российского государства.

Отметим, что Концепция гуманитарной политики не воспроизводит классическую терминологию «мягкой силы», характерную для западного дискурса, однако содержит ключевые элементы, традиционно относимые к данной сфере, в том числе культурное и гуманитарное взаимодействие, образовательное сотрудничество, поддержку соотечественников за рубежом, продвижение национальных ценностей и историко-культурного наследия. В этом смысле гуманитарная политика выступает как дискурсивно переосмысленная форма реализации «мягкой силы», встроенной в суверенную ценностно-идеологическую концепцию. Данный подход получил дальнейшее развитие в Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г.⁴, где акцент переносится на категорию «гуманитарное сотрудничество», что отражает переход от инструментального понимания влияния к нормативно оформленной политике ценностного и гуманитарного взаимодействия.

Таким образом, отказ от прямого употребления термина «мягкая сила» в документах 2022—2023 гг. не свидетельствует о снижении значимости соответствующих механизмов, а указывает на трансформацию

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 12 февр. 2013 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 5 сент. 2022 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

их концептуализации и легитимации в условиях изменения международной среды. В российской политико-управленческой практике механизмы, традиционно описываемые через концепцию «мягкой силы», переосмысливаются и нормативно оформляются в категориях гуманитарной политики и гуманитарного сотрудничества.

В связи с этим представляется необходимым проведение теоретико-методологического анализа «мягкой силы» как формы власти, действующей через дискурсивные, культурные и институциональные механизмы и встроенной в систему современного государственного управления, что является целью данной статьи.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу исследования составляет комплекс теоретических и институционально-дискурсивных подходов, позволяющих рассматривать «мягкую силу» как форму власти и инструмент государственного управления. В работе используются элементы историко-политического и сравнительно-теоретического анализа для выявления интеллектуальных истоков концепции «мягкой силы» (восточная стратегическая традиция, политическая философия Нового времени, социальная теория XX в.). Применение концептуального анализа позволяет сопоставить подходы Дж. Ная, М. Фуко, А. Грамши и П. Бурдьё и выявить их эвристический потенциал для интерпретации «мягкой силы» как дискурсивно-символического механизма формирования легитимности и предпочтений.

Нормативно-документальный анализ стратегических актов Российской Федерации 2013–2023 гг. позволяет проследить эволюцию понятийного оформления «мягкой силы» и ее трансформацию в категорию «гуманитарная политика». Системный подход обеспечивает рассмотрение «мягкой силы» как многоуровневого управленческого ресурса, встроенного в архитектуру публичной власти и функционирующего во внутреннем и внешнем контурах государственного управления.

Результаты и обсуждение. *Социально-политические истоки концепции «мягкая сила».* В современной политической реальности формируется широкий спектр методов и подходов, направленных на обеспечение устойчивого функционирования государственного управления. Регулирование государственной системы и продвижение ее ценностных установок выступают одной из ключевых проблем современной политической науки, поскольку в условиях усложнения международной и внутриполитической среды способность государства к воспроизводству легитимности и управляемости все в большей степе-

ни определяется не только ресурсами принуждения, но и механизмами символического и культурного воздействия. В связи с этим многие исследователи обращаются к анализу того, каким образом государственная власть может эффективно поддерживать собственную управленческую модель и транслировать базовые ценности как внутри национального пространства, так и за его пределами.

Одним из наиболее востребованных концептуальных подходов в рамках данного исследовательского поля в последние десятилетия стала теория «мягкой силы». В качестве теоретической конструкции «мягкая сила» сформировалась в русле геополитических и международно-политических исследований, однако предпосылки ее возникновения имеют значительно более глубокие интеллектуальные и историко-философские основания. Уже в классических трактатах о власти и стратегии можно обнаружить представления о формах воздействия, альтернативных прямому насилию и военному доминированию.

Одним из наиболее ранних источников идей, близких по своей логике концепции «мягкой силы», традиционно считаются воззрения Сунь-цзы, изложенные в трактате «Искусство войны» [1]. В центре его рассуждений находится идея управления противником таким образом, при котором победа достигается еще до начала открытого столкновения. В основе концепции Сунь-цзы лежит управление врагом, создающее возможности легкой победы. Ради этого он выдвигает различные способы распознавания, управления и ослабления врага. Победа им мыслится не как результат физического уничтожения противника, а как следствие точного расчета, стратегического маневра и умения воздействовать на условия, в которых противник вынужден действовать. Хитрость и способность к косвенному воздействию трактуются Сунь-цзы как важнейший инструмент достижения политических и военных целей, что позволяет интерпретировать его подход как раннюю форму осмысления власти, основанной на управлении поведением и восприятием.

Схожая логика обнаруживается и в политико-философских рассуждениях Никколо Макиавелли, в частности в его знаменитой «стратегии лисы», где подчеркивается необходимость не только силы, но и изощренного умения распознавать угрозы, обходить прямые конфликты и ослаблять противника через манипуляцию обстоятельствами. В трактате «Государь» он пишет: «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков» [2, с. 67]. В данном контексте власть предстает как совокупность практик, направленных на формирование выгодной для

субъекта политической среды, а не исключительно как способность к принуждению.

В XX в. идеи, функционально близкие концепции «мягкой силы», получили дальнейшее развитие в рамках различных теоретических направлений политической науки и социальной философии. Так, представители реалистической школы международных отношений, включая Кеннета Уолтца [3] и Ганса Моргентау [4], хотя и акцентировали внимание на силовом измерении политики, подчеркивали значимость нематериальных факторов — престижа, авторитета, репутации — в структуре международного влияния. В социологической и философской традиции идеи власти, не сводимой к насилию, получили развитие в работах Пьера Бурдьё, Мишеля Фуко и Антонио Грамши.

М. Фуко характеризует власть как совокупность дискурсивных и нормативных практик, действующих через знание, социальные нормы и рациональность, а не исключительно через идеологию или принуждение [5]. В этом смысле «мягкая сила» может быть интерпретирована как частный случай более широких механизмов власти, функционирующих посредством формирования «естественности» определенных моделей поведения и мышления. У А. Грамши близкая логика выражена в концепции культурной гегемонии, под которой понимается устойчивое доминирование, основанное на добровольном признании ценностей и смыслов, транслируемых господствующей группой. Гегемония понимается им как динамичный и непрерывный процесс, основанный не на прямом господстве, а на способности увлекать и формировать добровольное признание нравственного авторитета [6; 7, с. 8]. Несмотря на то что ни М. Фуко, ни А. Грамши не использовали термин «мягкая сила», их теоретические построения создают методологическую основу для понимания власти как формы согласия и символического лидерства.

Существенный вклад в теоретическое осмысление форм власти, не сводимых к прямому принуждению, внесла социологическая концепция П. Бурдьё, в рамках которой власть рассматривается как результат распределения и воспроизводства различных видов капитала — экономического, социального, культурного и символического [8]. Политико-правовая теория П. Бурдьё позволила дополнить и конкретизировать механизмы действия «мягкой силы» и перевести ее из уровня общей теоретической характеристики в плоскость социального воспроизводства. В отличие от других подходов, фиксирующих результат «мягкой силы», П. Бурдьё раскрывает, за счет каких социальных механизмов этот результат достигается. При этом французский социолог и фило-

соф выделяет два направления влияния: во-первых, через структуру полей (образовательного, культурного, медийного), в рамках которых разворачивается конкуренция за символическое доминирование; во-вторых, через формирование габитуса, определяемого П. Бурдьё как систему устойчивых, исторически сформированных диспозиций восприятия, мышления и действия [9]. Через габитус обеспечивается интериоризация ценностей и превращение внешнего воздействия в «естественные» установки и практики [10]. Тем самым П. Бурдьё представляет «мягкую силу» не разовым воздействием, а воспроизводимым социальным процессом, в котором символическое влияние закрепляется через повседневные практики и устойчивые когнитивные схемы.

Концепция П. Бурдьё позволяет методологически дополнить подходы М. Фуко и А. Грамши, введя в анализ феномена, близкого «мягкой силе», измерение социального воспроизводства и легитимации доминирования. Если у М. Фуко акцент делается на дискурсивных и нормативных механизмах власти, а у А. Грамши — на гегемонии как форме культурного лидерства, то у П. Бурдьё «мягкая сила» предстает процессом накопления и конвертации символического капитала, обеспечивающим устойчивость властных отношений без необходимости прямого принуждения.

В современных исследованиях «мягкая сила», в развитие данной логики, рассматривается не только как ресурс притяжения, но и как процесс символического влияния. В частности, Д.М. Ковба выделяет в отечественной политологии различные подходы к интерпретации данного феномена — от структурного до инструментального и технологического [11].

Ряд авторов указывают на ограниченность сугубо инструментального понимания «мягкой силы». Так, А.В. Борисов подчеркивает, что сведение рассматриваемой категории к набору внешнеполитических инструментов приводит к утрате ее содержательного измерения, тогда как «ключевая проблема... заключается в содержании каналов коммуникации, использовании исторической памяти, как основного ресурса «мягкой силы»» [12].

Аналогичное истолкование содержится в исследованиях, где акцентируется институциональное измерение «мягкой силы». Например, А.П. Ворочков предлагает рассматривать эту категорию через призму нормативных, организационных и практических институтов, подчеркивая необходимость аналитического инструментария для оценки ее реализации [13]. Данный подход соотносится с пониманием поля как структурированного пространства, в котором происходит кон-

курения за символический капитал, а сами институты выступают механизмами его накопления и конвертации. А.М. Ефименко подчеркивает, что российская модель «мягкой силы» характеризуется высокой степенью институционализации и государственного контроля, а также опорой на гуманитарные, образовательные и культурные практики [14; 15]. В более широком теоретическом контексте Д.В. Офицеров-Бельский рассматривает «мягкую силу» как инструмент формирования «мотивов, смыслов и правил, лежащих в основе действий» [16, с. 179].

Следовательно, отечественные ученые подтверждают, что «мягкая сила» функционирует не как совокупность отдельных инструментов, а как системный процесс производства, институционализации и воспроизводства символического капитала.

«Мягкая сила» как форма власти в современной политической теории. Отметим, что в данной публикации проводится разграничение между «мягкой силой» как теоретической категорией, описывающей особый механизм власти, основанный на привлекательности, ценностях и символическом влиянии, и «гуманитарной политикой» как институционально-нормативной формой государственной деятельности, через которую реализуются эти механизмы. Соответственно, «мягкая сила» рассматривается как концепт и тип властного воздействия, а гуманитарная политика — как управленческий контур и совокупность инструментов.

Термин «мягкая сила» ввел Джозеф Най, который понимал его как особый тип политического влияния, альтернативный прямому военному и экономическому принуждению. В такой интерпретации «мягкая сила» представляет собой «способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов» [17]. Важным теоретическим новшеством данного подхода стало расширение понимания власти за счет включения в нее механизмов притяжения и добровольного следования.

Противопоставляя «мягкую силу» жестким формам доминирования, Дж. Най подчеркивал, что в ее основе лежат компромисс, взаимная адаптация и формирование точек соприкосновения, однако при необходимости таким способом можно выполнять и функцию навязывания ценностных ориентиров. Именно поэтому «мягкая сила» действует не столько через директивное управление поведением, сколько через управление повесткой, формирование запросов

и «конструирование» желаемых результатов как добровольно принимаемых.

Развивая данный подход, исследователи подчеркивают, что ключевым элементом реализации политики «мягкой силы» является культурное противостояние, включающее борьбу за доминирование в сфере смыслов, ценностей и интерпретаций. «Мягкая сила» функционирует не только во внешнеполитическом пространстве, но и внутри государственной системы, где важнейшей задачей становится формирование позитивного образа государства в глазах собственных граждан.

Джулио Галларотти, развивая концепцию «мягкой силы», выделяет три ее базовых ресурса: культуру, политические ценности и легитимную внешнюю политику [18] — и подчеркивает концептуальную «растяжимость» этой ресурсной основы. В узком смысле мягкая сила похожа на культурное влияние, однако при этом теряется ее управленческая логика (формирование повестки, предпочтений, критериев легитимности), поэтому корректнее рассматривать культуру не как «добавочный ресурс», а как инфраструктуру производства смыслов, через которую «мягкая сила» институционализируется [19].

С дискурсивной точки зрения принципиально важен тезис Дж. Галларотти о механизме символического доминирования: «Специфика мягкой силы зачастую заключается в умении доминантной нации выдавать свои интересы как интересы стран, на которые оказывается влияние» [18, с. 53], что позволяет интерпретировать «мягкую силу» как форму асимметричного доминирования, маскируемого под универсальные ценности: интересы субъекта влияния легитимируются как общие, «правильные» и «естественные», а власть воспринимается как производство норм и истин.

В теоретико-методологическом анализе «мягкой силы» важно ее разведение с рядом смежных понятий, прежде всего с публичной дипломатией и пропагандой. Отсутствие такого разграничения приводит к концептуальному «размыванию» этого термина и затрудняет его аналитическое использование в исследованиях государственного управления.

Публичная дипломатия, в отличие от «мягкой силы», представляет собой инструментальный уровень воздействия и может быть рассмотрена как совокупность практик и каналов, через которые элементы «мягкой силы» транслируются во внешнюю среду. В аналитической традиции публичная дипломатия включает культурные обмены, образовательные программы, международные коммуникационные платформы, деятельность культурных и гуманитарных институтов. В этом

смысле публичная дипломатия выступает механизмом реализации «мягкой силы», эффективность которого зависит от наличия базового ресурса привлекательности.

Пропаганда ориентирована на директивное убеждение, целенаправленное навязывание интерпретаций и мобилизацию аудитории через упрощенные, эмоционально насыщенные сообщения [20]. Пропагандистское воздействие предполагает асимметрию коммуникации и осознаваемое давление на адресата, что существенно снижает его устойчивость в долгосрочной перспективе. В отличие от него эффективность «мягкой силы» обусловлена прежде всего тем, что она не воспринимается как воздействие.

Если пропаганда работает на уровне сообщений, а публичная дипломатия — на уровне каналов коммуникации, то «мягкая сила» функционирует на уровне повестки дня, определяя структуру вопросов, в рамках которых формируется политический и ценностный выбор. Подобная трактовка согласуется с расширенным пониманием «мягкой силы» Дж. Галларотти, указывавшего на ее способность маскировать частные интересы под универсальные, обеспечивая устойчивость символического доминирования [18]. Это позволяет рассматривать «мягкую силу» не как нейтральный ресурс культурного обмена, а как форму власти, встроенную в конкурентную логику международных и внутриполитических процессов.

В современных дискуссиях о «мягкой силе» особое внимание уделяется роли образования и человеческого потенциала в качестве ключевых ресурсов долгосрочного политического лидерства. А.В. Торкунов, анализируя трансформацию мировой политики, подчеркивает, что в современных условиях лидерство все в большей степени определяется не способностью к прямому давлению, а возможностью «направленно развивать» своего соседа или конкурента [21]. По его мнению, в ситуации переходного состояния мировой политической системы «резко обострилась борьба за право определять ценностную, нормативную составляющую мирового порядка», что переводит конкуренцию государств в плоскость смыслов, моделей развития и человеческого капитала. При этом «конкуренция ценностей и моделей общественного, государственного и социально-экономического развития» стала одним из ключевых трендов начала XXI в.

По мнению ученого, образование выступает сегодня не только социальным институтом или элементом внутренней политики, но и инструментом внешнеполитического и культурно-дискурсивного влияния. При этом предоставление образовательных услуг иностранным студентам является «одним из важнейших инструментов “мягкой силы”»

государства», поскольку именно в студенческие годы формируются базовые ценностные ориентации, мировоззренческие установки и устойчивые модели идентификации. Подобные практики реализовались и в образовательной политике СССР. «Мягкая сила» в подобной практике представляет собой не разовое культурное воздействие, а долгосрочную стратегию формирования ценностных предпочтений и интеллектуальных ориентиров, обеспечивающую государству устойчивое влияние в условиях глобальной конкуренции.

В отечественной политологической науке концепция «мягкой силы» получила развитие преимущественно в прикладном и институциональном аспектах, что отражает специфику ее восприятия в системе государственного управления. Российские исследования в данной области ориентированы на анализ ее практик, инструментов и организационных механизмов, встроенных в структуру внешней политики государства [22]. Задача «мягкой силы» состоит в противодействии экспансии геополитических конкурентов, в первую очередь в информационном и культурном пространстве [23]. «С «мягкой силой» связано — прямо и опосредованно — становление геополитического кода государства, поскольку он основывается на образных и нематериальных представлениях о пространстве» [24].

«Мягкая сила» в системе управленческих ресурсов государства. В условиях трансформации современных форм власти и усложнения механизмов политического регулирования «мягкая сила» из категории политической теории и международных отношений превращается в инструмент государственного управления, встроенный в систему публичной власти.

Переход от понимания «мягкой силы» как преимущественно внешне-неполитического ресурса к ее интерпретации в управленческом ключе отражает изменения в логике функционирования государства, связанные с возрастанием роли следующих нематериальных, символических и дискурсивных факторов:

1. *«Мягкая сила» как управленческий ресурс.* Опираясь на подход Дж. Ная, «мягкую силу» целесообразно рассматривать как ресурс управления, действующий не через принуждение, а через формирование предпочтений, добровольного согласия и лояльности. В отличие от «жестких» ресурсов власти (административного, экономического и силового воздействия) она ориентирована на создание условий, при которых желаемые государством модели поведения и идентификации воспринимаются как рациональные и социально приемлемые. В этом смысле «мягкая сила» выступает формой опосредованного управления, повышающей устойчивость политического порядка за счет ин-

теграции ценностных и культурных механизмов в управленческую практику.

2. *Дискурсивное управление и институциональная привлекательность.* По логике М. Фуко, «мягкая сила» может быть интерпретирована как дискурсивный механизм, через который государство задает нормы и рациональности, формирует интерпретации собственной политики, легитимирует решения и воспроизводит доверие к институтам. Подход П. Бурдье расширяет такое понимание: «мягкая сила» становится процессом накопления и конвертации символического капитала (репутации, авторитета, доверия), использующийся затем для повышения эффективности управленческих воздействий. Следовательно, институциональная привлекательность становится самостоятельным объектом публичного управления.

3. *Внешний и внутренний контуры «мягкой силы».* Во внешнем измерении «мягкая сила» связана с культурной дипломатией, образовательными программами, гуманитарным сотрудничеством, формированием позитивного международного имиджа; во внутреннем — с поддержанием легитимности и консолидации, формированием устойчивой идентификации граждан с государством и его институтами. В таких аспектах «мягкая сила» превращается в элемент стратегического управления общественным развитием.

4. *Институционализация в системе публичной власти.* Российская практика демонстрирует институциональное оформление «мягкой силы» через специализированные институты международного гуманитарного сотрудничества, образовательные и культурные программы, а также деятельность органов публичной власти разных уровней. Эффективность такого инструментария определяется не количеством инициатив, а степенью их стратегической согласованности, наличием целеполагания и включенностью гуманитарных механизмов в общую архитектуру государственной политики. Институционализация «мягкой силы» предполагает формирование «сквозной» управленческой логики, связывающей культурную, образовательную, информационную и социальную политику.

5. *Ограничения и риски управляемости.* Потенциал «мягкой силы» сопряжен с рядом ограничений: ее эффекты, как правило, долгосрочны и слабо поддаются прямому измерению; при отсутствии координации инструментарий распадается на разрозненные мероприятия, утрачивая целостность. Именно поэтому «мягкая сила» требует развитых механизмов аналитического сопровождения, экспертной оценки и стратегического планирования; без них она рискует превратиться в декларативный элемент политики.

Заключение. Проведенный анализ позволяет рассматривать «мягкую силу» не как производный элемент современной западной политической теории, а как универсальную форму власти, исторически укорененную в различных интеллектуальных традициях и актуализированную в условиях трансформации государственного управления. «Мягкая сила» действует через ценности, смыслы и дискурсивные практики, обеспечивая формирование согласия, предпочтений и устойчивой легитимности без опоры на прямое принуждение.

Переход в российском официальном дискурсе 2022–2023 гг. от термина «мягкая сила» к категориям «гуманитарная политика» и «гуманитарное сотрудничество» отражает не отказ от соответствующих механизмов, а изменение языка их концептуализации и институциональной легитимации. Гуманитарная политика воспроизводит ключевые элементы «мягкой силы» — ценностное воздействие, культурно-образовательное сотрудничество, формирование позитивного образа государства, интегрируя их в суверенную нормативно-идеологическую концепцию.

В российской практике механизмы, описываемые в политической теории через включение «мягкой силы», получают институциональное выражение в гуманитарной политике. Это требует ее анализа не только как инструмента внешнего влияния, но и как стратегического управленческого ресурса. Перспективным направлением дальнейших исследований является реализация предложенной концепции применительно к анализу конкретных практик гуманитарной политики. В частности, символический капитал может быть эмпирически зафиксирован через показатели доверия к государственным институтам, международные образовательные потоки, присутствие в медиа-пространстве, а также габитус — устойчивые ценностные установки и поведенческие практики, выявляемые в социологических опросах и анализе цифровых следов молодежной аудитории. Применение данных подходов позволит дополнить теоретический анализ «мягкой силы» оценкой эффективности конкретных программ и проектов в сфере гуманитарной политики Российской Федерации.

Список источников

1. *Сунь-цзы*. Трактат о военном искусстве / пер. с китайск.; предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.: Астрель, 2010. 127 с. EDN: QPSCBH
2. *Макиавелли Н.* Государь. М.: Библиотека Ассамблеи Евразии, 2017. 447 с.
3. *Waltz K.N.* Man, the State and War: A Theoretical Analysis. New York: Columbia University Press, 1959. 263 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL6273724M/Man_the_state_and_war

4. *Frei C. Hans J. Morgenthau: An Intellectual Biography.* Baton Rouge: LSU Press, 2001. 236 p. URL: <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/1079051>
5. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 543 с.
6. Грамиш А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. 559 с.
7. *Lebedeva M.M. Russian Public Diplomacy: From USSR to the Russian Federation.* London: Routledge, 2021. 78 p.
8. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с. ISBN 5-86709-005-1
9. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1 (2). С. 44–59. EDN: OJWQLH
10. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практика. СПб.: Алетея, 2005. 576 с.
11. Ковба Д.М. Основные подходы к исследованию «мягкой силы» в отечественной политической науке // Дискурс-ПИ. 2017. № 1 (26). С. 143–148. EDN: ZGRWOP
12. Борисов А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 7, № 2. С. 130–141. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141. EDN: JOTPCU
13. Ворочков А.П. Институциональное измерение «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151). С. 80–97. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-7-80-96. EDN: KUFMDW
14. Ефименко А.М. Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях // *Via in tempore.* История. Политология. 2025. Т. 52, № 3. С. 754–764. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764. EDN: IRRNLF
15. Ефименко А.М. Концептуализация «мягкой силы» в современной политической науке: эволюция теоретических подходов и инструментария // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 3. С. 70–78. EDN: JWQTFN
16. *Ofitserov-Belskiy D.V. Instrumental Factors of Soft Power in An Era of Global Turbulence // Russia in Global Affairs.* 2024. Т. 22, № 2 (86). С. 179–195. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-179-195. EDN: IXGLEI
17. Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с. EDN: ULJJZF
18. Галларотти Д.М. Бремя могущества как парадокс мировой политики // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 58–71. EDN: NRBXGJ
19. Галларотти Д.М. Как измерять мягкую силу в международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 89–103. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.07. EDN: EUCIWT
20. Гончарова И.В., Чувардин Г.С. Военно-патриотическое воспитание молодежи в СССР накануне Великой Отечественной войны: уроки для информационных войн XXI века // Исторический код России: железом и верой: материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 80-летию Великой Победы. Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, 2025. С. 19–24. EDN: QDKDSH

21. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85–93. EDN: PYMQTD
22. Косякина А.С. Российский подход к концепции «мягкой силы» // Анализ и прогноз: журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63–75. DOI: 10.20542/afj-2022-2-63-75. EDN: KPZQEE
23. Матвеев Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook 2015. № 1. С. 169–170. EDN: TWRULZ
24. Неймарк М.А. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. М.: Дашков и К°, 2022. 350 с. EDN: YTKVBS

Сведения об авторе

КАГРАМАНЯН

Назик Саядовна,

кандидат политических наук,
заведующий кафедрой управления
развитием бизнеса
Высшей школы бизнеса и технологий
Государственный университет
управления (ГУУ), Москва, Россия
kagramanyan-ns@yandex.ru,
SPIN-код: 8971-4900,
<https://orcid.org/0009-0009-7446-6501>

Статья поступила в редакцию
02.03.2026

Одобрена после рецензирования
14.04.2026

Принята к публикации
25.05.2026

The author

Nazik S. KAGRAMANYAN,

Candidate of Sciences (Politics),
Head of the Department of Business
Development Management Higher School
of Business and Technologies,
State University
of Management (SUM), Moscow, Russia
kagramanyan-ns@yandex.ru,
SPIN-код: 8971-4900,
<https://orcid.org/0009-0009-7446-6501>

The article was submitted
02.03.2026

Approved after reviewing
14.04.2026

Accepted for, publication
25.05.2026